

Шум столицы государства Цинъюэ оставался за толстыми дворцовыми стенами, словно в ином мире. Глубокая ночь, лишь холодный лунный свет пробивался сквозь резные оконные переплеты, растекаясь по зеркально-гладкому полу из обсидиана в опочивальне Чи Чжао. Он не ложился спать: в одной лишь тонкой белой нижней рубаше стоял босиком посреди просторного зала. Лунный свет очерчивал его стройную, высокую фигуру, и широкие одежды не могли скрыть почти демонического силуэта. Его красота, в которой невозможно было распознать мужское или женское начало, в тишине источала пугающее, смертоносное очарование.

Он медленно поднял руку. На кончиках пальцев вилась тонкая, но плотная, почти осязаемая черная дымка. Она не была простой тенью — казалось, в ней теплилась жизнь, она обладала весом и едва заметно пульсировала, словно сердце, жадно впитывая окружающий свет. По мановению его воли черная дымка беззвучно влилась в зеркально-гладкий обсидиан. В следующее мгновение твердая холодная поверхность пошла кругами, словно водная гладь, а в центре, постепенно проседая, образовался бездонный темный проход шириной в чжан. Густой, тошнотворный запах крови вперемешку с чистейшей силой инь, подобно дыханию чудовища, спавшего десять тысяч лет, мгновенно хлынул наружу, заполнив опочивальню, отчего сам воздух стал вязким и тяжелым.

На лице Чи Чжао не отразилось ни тени дискомфорта. Напротив, он глубоко вдохнул, и от густой кровавой ауры на его бледных щеках проступил болезненный, но еще более завораживающий румянец. Сделав шаг вперед, словно бросаясь в объятия возлюбленного, он безмолвно погрузился в бездонный зев кровавого пруда.

Внизу было вовсе не грязное болото, как можно было вообразить.

Это было исполинское подземное пространство с высоким куполом, терявшимся в густой тьме. В центре находился пруд, вызывавший трепет. Вода в нем была не жидкостью, а вязкой массой, напоминавшей расплавленный агат, с темным, но странным, пугающим блеском. Пруд не был мертв — он медленно, ритмично пульсировал, и каждое движение рождало на поверхности мелкую рябь, источая невыносимо густой запах крови и чистейшую первородную силу инь. На дне в полумраке смутно угадывались груды белеющих костей, то всплывавших, то уходящих в темно-красную толщу, создавая поистине жуткое зрелище. Земля вокруг пруда была устлана не почвой, а бесчисленными останками: разного размера, цвета и причудливо искривленной формы, они тянулись до самого края тьмы, словно бесконечное море костей.

Это была Яма Десяти Тысяч Скелетов — магическое логово, созданное Чи Чжао для собственных тренировок. Каждая кость здесь принадлежала жизни, которую он прервал собственноручно; это было последнее пристанище их обид, страхов и жизненной эссенции.

Фигура Чи Чжао возникла на краю пруда, на огромном костяном выступе, напоминавшем череп неведомого зверя. Он ступал босыми ногами по холодной шершавой поверхности, но его белоснежные одежды даже в этой густой кровавой дымке оставались безупречно чистыми. Сев в позу лотоса, он сложил пальцы в древний, зловещий магический знак. Как только печать была завершена, вся Яма Десяти Тысяч Скелетов словно ожила.

Пульсация пруда резко усилилась. Вязкая вода, словно под воздействием невидимых рук, начала медленно и мощно вращаться, образуя гигантскую воронку. Бесчисленные кости затягивало в центр, где под действием колоссальной силы они беззвучно превращались в пыль, растворяясь в темно-красной воде. Из глубин пруда доносился беззвучный вой бесчисленных озлобленных духов, формируя видимый глазу черный вихрь из проклятой энергии. Подобно стае голодных ядовитых драконов, они устремились к сидящему Чи Чжао.

Он закрыл глаза. На лице, способном свести с ума любого, не осталось ничего, кроме почти божественного равнодушия. Черная, как чернила, дымка начала сочиться из каждой поры его тела — он не поглощал, он направлял ее, словно самый верный слуга, вбирая в себя каждую нить чистой кровавой ауры и силу призраков.

Именно в этот момент, в процессе поглощения и очищения, едва уловимый трепет, словно выжженный в самой глубине души, без предупреждения пронзил тишину сознания Чи Чжао.

Это не было воспоминанием. Скорее, резонансом, идущим из самой глубины крови, холодным и надменным эхом, пронзившим бесконечную реку времени. Оно принесло не тепло, а леденящую волю к разрушению и абсолютную тьму, способную заморозить саму душу. Перед лицом этой воли кровавый пруд, построенный на костях тысяч существ, казался ничтожной пылинкой.

— Древний... демон... — разбитое слово, словно донесшееся из самого Девятого Ада, неконтролируемо скользнуло в душе Чи Чжао, неся с собой чуждое ему самому равнодушие существа, взирающего на мир свысока. Трепет исчез так же быстро, как появился, словно галлюцинация, оставив после себя лишь огромную ледяную пустоту и невыразимую, жгучую жажду заполнить ее.

Он резко открыл глаза. В зрачках, что всегда были полны либо колдовского очарования, либо притворной беспомощности, теперь застыл лишь чистый, бездонный холод. Воронка пруда продолжала вращаться, беззвучный вой духов все еще отдавался эхом, но Чи Чжао ощутил небывалый... голод. Жажда более могущественной, более чистой силы безумно разрасталась в глубинах его души.

— Мало... этого катастрофически мало...

Южные земли, горный хребет Лохунь.

Это место называли кладбищем заклинателей. Серые ядовитые испарения, не рассеивавшиеся круглый год, словно тяжелый занавес, скрывали свет небес. Куда ни глянь — повсюду острые, как клыки, скалы, искривленные сухие деревья и бездонные ядовитые болота. Воздух был пропитан запахом гниения и яда; казалось, каждый вдох разъедает легкие, словно тысячи крошечных насекомых. Обычный заклинатель, ступив сюда, уже через полчаса чувствовал, как его духовная энергия густеет, плоть начинает таять, и в конце концов он превращается в

обглоданный насекомыми скелет, становясь новым украшением этого безмолвного края.

Однако белоснежная фигура двигалась среди опасных скал и топей с грацией призрака. Скорость была невероятной, но движения сохраняли пугающую элегантность, словно он прогуливался по собственному саду. Это был Чи Чжао.

Он был все в той же тонкой белой мантии, но теперь его окутывал слой черной дымки. Она вела себя как живое существо, жадно поглощая все миазмы и яды, с тихим шипением разъедавшие все вокруг. Когда его босые ноги ступали по поверхности ядовитой топи, черная дымка автоматически расползалась, отсекая жидкость, способную мгновенно растворить сталь, оставляя лишь легкую рябь.

Его цель была ясна — Демон Пожиратель Сердец, который, по легендам, был соткан из яростной энергии древних полей сражений в глубине хребта Лохунь.

Перевалив через пологий склон, усеянный белеющими костями и обломками ржавого оружия, он увидел, как пейзаж резко изменился. Это была относительно открытая долина, но земля здесь была не почвой, а странным застывшим кристаллом темно-красного цвета, словно пропитанным кровью и смешанным с бесконечной ненавистью. В центре долины возвышалось чудовище высотой в три чжана.

У него не было постоянной формы: все тело состояло из бесчисленных извивающихся, непрерывно воющих душ. Их лица, искаженные гримасами боли, ненависти и отчаяния, кусали и пожирали друг друга, постоянно сливаясь, отчего облик монстра ежесекундно менялся: то он раздувался, подобно горному хребту, то сжимался, как призрак. Лишь в самом центре пульсировало огромное, похожее на гигантское сердце ядро, источавшее грязный темно-красный свет, — именно оно было средоточием его жизни. Это был владыка мертвых земель — Демон Пожиратель Сердец! Одно лишь незримое ментальное давление, исходившее от него, могло заставить слабого духом заклинателя мгновенно обезуметь, а его душу — быть разорванной и поглощенной.

Появление Чи Чжао было подобно капле воды, упавшей в раскаленное масло.

Тело Пожирателя, сотканное из воющих душ, замерло, и огромное темно-красное сердце в центре внезапно вспыхнуло ослепительным светом! Мощный, хаотичный, пропитанный бесконечной злобой ментальный удар, подобный реальному цунами, с воплями и проклятиями тысяч душ обрушился на Чи Чжао! Воздух задрожал, не выдерживая этого натиска.

На лице Чи Чжао не было ни капли страха, напротив, губы изогнулись в почти восторженной усмешке. Он не стал уклоняться. В глубине его колдовских глаз вспыхнула точка чистой, поглощающей свет тьмы, мгновенно заполнив собой всю радужку. Окутывавшая его защитная дымка резко рванулась вверх, перестала быть тонкой пленкой и, закипев, словно чернила, сформировала перед ним вращающуюся бездонную черную воронку!

— Ба-бах!

<http://bllate.org/book/18948/1857276>